

Гордое и высокое одиночество

Давно знаю этого человека. Звать его Фёдор Сергеевич Коняев и лет ему под девяносто. Но когда при встрече он смотрит вам прямо в глаза и крепко пожимает руку, кажется что не больше шестидесяти ему — фронтовику и большому оптимисту.

Земляк он наш, самый что ни на есть переславец — в Соломидино родился, в Переславле пригодился. И когда в медвежьем этом углу начались в тридцатых годах бурные социальные перемены, с головой окунулся этот крестьянский сын в общественную жизнь.

Разве это плохо — работать на себя, а не на нэпмана, не на прижималу или скупердяя доморощенного? Разве это плохо — строить первый колхозный клуб и приобретать технику для первой МТС? Совсем не плохо строить первые дороги между сёлами и добывать торф для общественных нужд, сесть на первый в деревне трактор, тянуть первые в истории Соломидино электрические провода...

За всё брался с весёлым смехом и задором этот крепкий парень, наступившая советская действительность для которого очень скоро стала желанной социальной обстановкой. Она вырабатывала коллективизм, в опоре на который, без достаточной к тому времени техники, — говорит Фёдор Сергеевич, — только и можно было видоизменить глухомань окружающего мира.

Первый репродуктор, первый патефон, первый колхозный хор... Как давно это было, но так и кажется, что сюда, на пятый этаж по улице Кооперативной, 64, доносятся отголоски мятежной юности. Ведь кроме утверждения социалистических идеалов были в ней и такие страницы, как оголтелое богоборчество и агрессивный атеизм. Был такой Союз воинствующих безбожников, куда вступали не только «ворошиловские стрелки». И хотя на стенах домашнего музея Коняева это не отражено, в душу всё это никому не нужное богоборчество крепко запало. Ни одного предмета церковного культа, что так характерно для стариков, в его квартире я не заметил.

В тридцатые годы летели на землю дедами отлитые колокола, церковные амвоны превращались в склады для хранения овса или ржи, древние иконы шли на дрова для сельской школы или первого детского сада.

Стыдно ли ему, бывшему богоборцу, за всё это сейчас? Да как сказать... Так, наполовину, если честно разобраться... Когда ребяташки села освоили первую грамоту и без помощи взрослых стали читать первые тоненькие книжки, с радостным удивлением открывать глаза на меняющийся мир, когда на село приехал первый агроном из Ярославля, когда первый раз доктор просто «за спасибо» назначил тебе лечение и спас от смерти племянницу, когда...

Когда уже перед самой войной довелось ему побывать в межрайонном Доме отдыха, о чём раньше его земляки отродясь не слыхивали, тогда и подумал, что все начали жить как люди. По большому счету. Тогда же и сам Первомай из рабочего стал крестьянским. Эти вот новшества укреплявшейся советской жизни, когда коллективистские начала стали главенствовать, постепенно меняли политическую психологию и мышление земляков и лично его, Фёдора Коняева.

Конечно, много было показухи и заорганизованности, чванства тех, кто «из грязи вылез в князи», но в целом ростки новой жизни пускали корни и укреплялись. И молодые, в среде которых Коняев был реальным коноводом, воспринимали действительность как данную. А все ограничения свободы и излишняя политизированность бытия тоже воспринималась как должная. А близкое по времени выражение «Бог терпел и нам велел» тоже не оставляло

ни времени, ни шансов задумываться. Первые советские кинофильмы только укрепляли новую платформу восприятия мира.

К тому времени, когда приняли «сталинскую» Конституцию, когда прошли первые выборы, на которые всегда ходили как на праздник, уверенность в правоте и победе колхозного строя мало у кого вызвала сомнения. Как и то, что в соседнем колхозе «разоблачили врага народа». Новым органам власти верили и в правоте их не сомневались. Да Фёдор и сам им активно помогал, словно бы примеряя на себя как фуражку милиционера, так и голубые околыши сотрудника НКВД. А к нему в этом плане присматривались.

Но вскоре грянула война, и все бойцовские качества Коняева очень даже пригодились. Одно училище, другое, намарку пошла личная жизнь с молодой женой. Потом были разные фронты, пришлось быть как кавалеристом, так и артиллеристом, пехотинцем и снабженцем. В зависимости от того, как шла передислокация. Самым тяжким на сердце осталось отступление до декабря 1941 года.

Но весна сорок второго года уже застаёт подучившегося артиллериста Фёдора Коняева на Сталинградской земле. Кто из фронтовиков не помнит знаменитые «сорокапятки», 76-миллиметровые пушки? Эти орудия готовились не только для отражения танковых атак, но лишь при прямой наводке был достижим эффект, и Фёдор на Сталинградском фронте много раз в душе прощался с жизнью. Волны немецких атак зарывали его в землю и контузили, убивали фронтовых товарищей рядом, но он всегда каким-то чудом оставался жив. Словно Сивка-бурка из бажовской сказки, словно тот же Змей-Горыныч из другой легенды, он, как крепкий крестьянский корень, прорастал в новой шеренге бойцов.

«Василием Тёркиным», по большому счету, не был, но петь любил и многие песни пронёс до мирного времени. А войну закончил в Германии, старшим лейтенантом, а под самый конец и капитаном.

Двенадцать грамот от самого Верховного Главнокомандующего насчитывает он сегодня в своём архиве и с гордостью показывает каждому посетителю.

Потом была не очень скучная, мирная и семейная жизнь, МТС и кинофабрика № 5, где работал он и заместителем председателя фабкома, служба в милиции и на различных других хозяйственных должностях.

Многие из них были просто не по душе, и Коняев о них и вспоминать не хочет. Война наложила тяжёлый отпечаток на психологию фронтовика. И не каждый период его жизни был подарком, украшением для самого себя и близких. Немало было горьких страниц и потерь, но жизнь — как вспаханное поле, второй раз удобно для себя не перекопай. И поэтому под занавес своей жизни остался Фёдор Сергеевич один, хотя есть у него очень даже взрослые дети и внуки. Изредка приходят фронтовики, друзья по партии.

Ни они, ни он не предъявляют прилюдно друг к другу претензий, хотя в душе и идёт, может быть, нескончаемый диалог.

Сегодня, с пятого этажа на Кооперативной, виден ему горизонт родного, сильно поредевшего Залесья, где прошла его шепутная молодость, где он прочно полюбил все советские ценности жизни (и других не признаёт), где у него сотни хорошо знакомых людей. На некоторых из них он время от времени выходит по телефону, но в целом до сих пор создаёт личный музей фронтовика. Из газетных вырезок и фотографий, из журнальных статей и воспоминаний военачальников, из переписки с фронтовыми товарищами и пионерами-комсомольцами, которым знаком этот старожил с крепкой и очень кряжистой фамилией.